

ИСТОРИЯ НА ФИЛОСОФИЯТА

Я САМ И МОЙ ГАДЖЕТ: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ НА ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

А. О. Лемпий

аспирант кафедры философии Национального педагогического университета
имени М. П. Драгоманова (Киев, Украина)

lempiyada@gmail.com

Анотация

Лемпий Антон Олегович. Аз самият и моя гаджет: към въпроса за влиянието на персоналната техника върху идентичността на личността. Проблематиката на изложението по-долу материал синтезира в себе си актуалните въпроси на феноменологията на идентичността и философията на техниката. Изхождайки от спецификата на взаимодействието на човека с неговите технологични творения авторът анализира особеностите на възприятието от обикновеното съзнание на най-новия машинен продукт на съвременността – гаджета. По мнението на автора съвременните персонални устройства специфично влияят върху процеса на формиране на личностната идентичност. Структурата на особеното «внедряване» на резултатите от взаимодействието на човека с гаджета в неговото самосъзнание се формира в три главни направления:

Първото от тях възниква в сфера на телесното пространство на личността. Ставайки особена част на това пространство, техническото изделие придобива специфични качества, не отличаващи го от човека от възприятието на собствената плът. И гаджетът постепенно се елиминира от съзнанието като чисто техническо устройство;

Второто отразява функционалната изключителност на гаджета в сравнение с качествените характеристики на неговата дейност с други технически приспособления. Предназначението на гаджета е само отдалечено да напомня за типичното отношение на практическото използване на техническия предмет. Апликацията на дребните възможности на гаджета, реализирана пред очите на своя владетел – това по-скоро е нова функция на техническото устройство, която се извисява върху специфичното подобие на функциите на гаджета с такива функции на съзнанието на човека като самоконтрол, самосъзнание (разбиране на себе си) и въображение.

Третото е свързано със способността на гаджетите да натрупват повествователни елементи от историята на живота на техния владетел. За разлика от другите вещи и приспособления съвременният гаджет притежава техническа възможност да предоставя на човека и фрагменти от неговия обективиран образ, което, на свой ред, придава на гаджета значение на «свърхвещ».

Спецификата на ролевите функции на гаджета във формирането на идентичността на съвременната личност предизвиква необходимостта от по-нататъшно изследване на възможните последици от влиянието на съвременните технологии върху особеностите на екзистенцията на човека в съвременния свят.

Ключови думи: идентичност, «техне», възприятие, гаджет, телесно пространство, автоматика, «свърхвещ».

Abstract

Anton Lempij. I am myself and my gadget: the question of the personal technique impact on the personal identity. The research direction of this article synthesizes urgent issues of phenomenology of personal identity and philosophy of technique. Uncontrollable increasing of technical impact on human life and self-understanding is determined not only with its quantitative growth, but also with quality turns in development of technology. Gadget – is a new being of modern technique which can be described as the personal “meta-thing”. In this study, author focuses his efforts on proving the thesis about a particular own perception of the gadget, through which the significant changes in the process of ongoing formation of identity are taking their place. The article reveals three main directions of the emergent influence of gadgets on the modern identity and personality. The first one is directed to the identity of body, and relies on the devices capabilities to become a part the human

bodily space. The second one aims to impact in the identity of own activity. It's based on the gadgets nontransparent functionality and automatism. Application of small gadget features, it is rather a new feature of the technical device, which is based on the similarity of gadget functions with features of human consciousness as self-control, self-awareness (self-understanding) and imagination. The third one, associated with the constitution of identity in a world of things. It reveals a huge narrative potential of the devices in comparison with other personal belongings. In contrast to other things and accessories, modern gadget has the technical ability to provide individual and fragments of his objectified image, which, in turn, gives the gadget such meaning as "meta-thing".

Specificity of the roles and functions of the gadget in the formation of modern identity of the person causing the need for further study of the possible consequences of the modern technology impact on the characteristics of human existence in the modern world.

Keywords: identity, "techne", perception, gadget, bodily space, automatics, "meta-thing".

Актуальность. Современная личность изначально обречена на существование в мире всеобъемлюще развивающихся технологий. В детстве, приобщившись к социуму посредством педагогических нововведений, едва окрепшее сознание человека сталкивается с необычайно широким кругом технологических изобретений и новыми необычными явлениями в политической, рекламной, социальной, психологической и даже религиозной сфере, продуцированными этими изобретениями. Вся многогранность и непрерывность влияния современной технологии дает о себе знать на протяжении всей сознательной жизни. Совершенно очевидно, что личность, рожденная, воспитанная, обученная в новом технологическом компьютеризированном обществе, просто не может оставаться структурно тождественной образу и подобию своих предшественников. Тем более, когда вопрос об идентичности «технологического» человека возникает на фоне появления качественно новых персонально-портативных машин – гаджетов.

Постановка проблемы. В рамках этого небольшого исследования, мы сконцентрируем наши усилия на доказательстве тезиса о специфическом восприятии личностью собственного гаджета, посредством которого осуществляются и весьма значимые изменения в процессе формирования личностной идентичности. Методологическим ключом к выполнению этой задачи станут элементы аналитики человеческого восприятия из феноменологии телесности Мориса Мерло-Понти, и опыт Жана Бодрийяра, связанный с понятием автоматизации в современном обществе, а также некоторые закономерности диалектики личностной и повествовательной идентичности, обоснованные в герменевтике Поля Рикера.

Изложение основного материала. Первое дискуссионное утверждение в отношении намеченного нами доказательства определено одним из главных социально-философских вопросов современности: «Почему техника, как на первый взгляд ничем не отличающийся предмет практической деятельности, отсылает к вопросу о сущности человека вообще»? Гуманитарная научная традиция достаточно наглядно предлагает ответить на этот вопрос посредством мифологической аллюзии относительно роли техники в истории человечества. Известный французский философ Бернард Стиглер в своей книге «Техника и время» один из вариантов древнегреческого мифа о Прометее, по-разному представленному пером Платона и Гесиода. Миф повествует о заселении пустого мира живыми существами, – которых верховный бог Олимпа – Зевс задумал расположить в отношениях equilibrium – полного равенства. Для этого он создал огромное количество доминирующих качеств, благодаря которым каждый вид имел шанс на выживание. Осуществление этой цели он поручил титану Прометею – божеству мастерства и безошибочности. Последний, следуя настоятельной просьбе, отдал порученное ему дело своему брату-близнецу Эпиметею – божеству забывчивости и ошибок. Воодушевленный Эпиметей поспешил и вовсе раздать дары богов: черепаха получила свой крепкий панцирь, гепард – невообразимую скорость, бык – мощную силу, сокол – способность летать, сова – зоркие глаза и так далее. Все это символизировало экологическое благополучие планеты. Но когда очередь дошла до последней «земной твари» – человека, Эпиметей с ужасом заметил, что в корзине качеств, полученной от Зевса, совсем ничего не осталось, и это означало, что человек был обречен на неминуемую гибель. Свидетелем этой ошибки был и Прометей. Проникнувшись жалостью к обездоленным существам, титан и вручил человечеству похищенный им же «Огонь Гефеста» – воплощение вечного стремления к мастерству – «техне». В отличие от других качеств, полученных животными от Зевса, «техне» не есть тождественным, раз и навсегда данным преимуществом – его искра растет вместе со страстью к освоению мира, оно представляет собой чистое проявление божественного бытия. Совершив это деяние, Прометей нарушает equilibrium, чем и заслуживает вечную муку на скалах Кавказа [1, 185 – 186].

Исходя из этой мифологической аллюзии, «техне» и, в частности, техника как одно из её воплощений,

есть не что иное, как человеческое вне человека, то, посредством чего смертный человек соперничает с природой и с самим собой как её частью. Техника в этом случае - это не просто инструмент выживания, это прослойка между человеком и миром, в котором человеческое показывает себя во всей своей страсти к доминированию. «Суть человека в том, что его суть вне себя» [1, 194]. Близость техники особо ощутима в нашу эпоху, когда мы не расстаемся с необходимыми гаджетами ни на минуту. Ведь мы мыслим себя из встречного мира, мира который дан нам посредством «техне».

Но в чем же отличительная черта восприятия гаджета по сравнению с восприятием других продуктов технической эволюции, и существует ли эта разница вообще? В этом отношении важны три главных аргумента, которые нам предстоит рассмотреть. Первый связан с тем, что гаджет в отличие, например, от телевизора, постоянно контактирует с телом человека – он портативен. Даже этимология слова «гаджет» (с фр. *gache* – застёжка) отсылает к возможности его пристегивания к одежде, рукам, ушам человека. Второй аспект относится к его практическому значению – конкретная функциональность гаджета размыта, он существует «для чего-то и ни для чего». Третий – раскрывает особый статус персонального технического изделия среди других личных вещей человека: этот статус обусловлен функцией «сверхвещественного» накапливания повествовательных элементов человеческой истории.

Мой гаджет и мое тело. Остановимся на первоначальной характеристике восприятия персональных устройств. Исходя из того, что в повседневной жизни «человек является тем, чем он занимается» [2, 122], можно предположить, что его деятельность пропорционально влияет и на идентичность личности, особенно в современных рыночных условиях, где «действовать» значит для человека «быть». Человеческая активность немислима вне его тела, в котором посредством ощущений ему представлена окружающая действительность. Не удивительно, что именно в телесном измерении нам открывается и один из атрибутов проблемы исключительности восприятия гаджета.

Сегодня утром я иду на работу и, как обычно, беру с собой телефон; я ощущаю его привычную тяжесть в своем кармане. Мне известно, что это устройство – моя способность воспринимать Другого, вне его фактического присутствия, я спокоен, зная, что обладаю такой возможностью. Мой гаджет звонит – я слышу знакомый звук и осязаю вибрацию у моего бедра, нога и ухо давно привыкли к этому ощущению. Думаю ли я в момент звонка о наличии телефона как какай – то вещи в моем кармане? Когда-то, сразу же после покупки устройства, я тут же вспоминал о том, что это «новый гаджет» уведомляет о вызове, но сейчас мысль говорит мне лишь одно: «Кто-то звонит». Телефон как вещь уходит из моего восприятия, и непосредственно я думаю только об отдаленном присутствии Другого в моем бытии. Анализ подобного восприятия гаджета продуцирует и следующие философские вопросы: «В каком смысле мой гаджет является для меня техническим средством, т.е. вещью?»; «Исчерпывается ли роль портативных устройств только инструментальной функцией, или же гаджет есть нечто большее, чем просто «орудие»?

В этой связи обратимся к некоторым аспектам наследия Мориса Мерло-Понти. В его феноменологии нас интересуют понятия телесной схемы и телесного пространства. Телесная схема человеческой реальности – это дорефлективное сознание о закономерном расположении частей плоти в одном теле как неотделимой собственности индивида [3, 137]. Тело для меня не является простым набором соединенных посредством рефлексивного синтеза элементов; оно представляет собой очевидное единство занимаемого пространства, которое не нуждается во внешнем сенсорном подтверждении. Телесная схема в её динамичном восприятии образует то, что французский мыслитель именуется телесным пространством. В контакте плоти с объектом внешнего мира сознание тела «выступает» за пределы своего физического существования. Когда моя телесная схема дополняется неким зависимым предметом, его восприятие начинает напоминать восприятие хромым человеком своей трости в качестве «третьей ноги»; этот воспринимаемый мною предмет становится частью того «затененного» пространства, которое было прежде представлено в моем восприятии с полной очевидностью. «Слово «здесь», примененное к моему телу, обозначает не позицию, определенную по отношению к другим позициям или к внешним координатам, но установку первичных координат, сцепление активного тела с объектом, ситуацию тела в отношении его задач. Телесное пространство может отличаться от пространства внешнего и закрывать свои части, вместо того чтобы разворачивать их...» [3, 140].

Внедряясь в наши телесные ощущения и выполняя функции аналогичные и неразделимые с нашими физиологическими возможностями (слышать, чувствовать, наблюдать объект) гаджет воспринимается как часть нашего собственного телесного пространства. И становится как бы частью той третьей стороны познания мира, благодаря которой конструируется наша субъективная реальность. Я хочу написать сообщение своему знакомому – моя рука держит в руке гаджет, она «поляризуется со своими задачами, существует в отношении них, собирается с силами, дабы достичь своей цели...» [3, 140]. Гаджет обретает характеристики, сходные с частями тела самого человека и единственным отличием в том, что этот человек ощущает его только «извне».

Я не думаю о существовании телефона, когда делаю звонок или пишу сообщение, как и не думаю о своем глазе, когда наблюдаю объект. «...подручному свойственно как бы прятаться в своей подручности, именно чтобы быть собственно подручным» [2, 90]. Как только я воспринимаю нечто посредством гаджета, я отстраняюсь от самобытного существования этого средства.

Тем не менее, для того что бы стать частью этого специфического пространства, гаджету необходимо сначала внедрится в мою практическую деятельность. Техника, стоящая на прилавке в магазине и техника, лежащая в кармане в течение нескольких месяцев, даже если их модели абсолютно идентичны, в восприятиях личности крайне разнятся. Для человека чужой гаджет не более чем вещь среди других вещей, но собственный – это воплощение его деятельности и идентичности, и часть той реальности, из которой он видит мир, как «темнота зала, необходимая для ясности зрелища» [3, 140].

Мы наблюдаем, как озабочен человек, ненамеренно забывший дома свой смартфон. Он хочет позвонить – тянется к карману, где ничего нет. Иногда ему кажется, что его гаджет вибрирует или продуцирует звук вызова. Его нога настолько привыкла осязать тяжесть гаджета в отведенном месте, что даже иногда имитирует это чувство. А внезапное осознание отсутствующего гаджета вызывает в личности чувство, отдаленно напоминающее безысходность недавно обретенной инвалидности. Язык, будучи историей человеческого мышления, с двойственным значением увековечил эти переживания в изречении: «Я без него как без рук». Не зря Мерло-Понти, подходя к описанию телесного пространства, для начала анализирует патологию «фантомного органа» у людей недавно перенесших ампутацию. Если с необходимостью абстрагироваться от моральных аспектов такой аналогии, то можно сказать, что проблема отсутствующего гаджета и «фантом» потерянной конечности коренятся в специфическом восприятии человеком собственного тела. Телесное пространство не сразу приспособливается к новым состояниям, а нуждается в опыте деятельности вне исчезнувшего предмета или органа. Поэтому персональная техника внедряется и исчезает из осознания человеком самого себя постепенно, но ощутимо.

Мой гаджет и мое отсутствие. Для того, чтобы наше представление о своеобразии влияния гаджетов сложилась в полной мере, следует также обратиться к анализу второй исключительной характеристики восприятия портативной техники – её непрозрачной функциональности. Для достижения ясности в этом вопросе будет уместно прибегнуть к научному опыту Жана Бодрийяра. В одной из своих первых книг под названием «Система вещей» его заинтересовало специфическое «отклонение» в развитии техники – «автоматика». Сущность автоматки в её стремлении к самостоятельности, поскольку она как бы «перебирает» заботы и деятельность человека на себя.

В начале нашего исследования мы намеренно изложили содержание мифа об изначальной несовершенности человеческих способностей и возможностей, и в культуре созданного автоматизма машин наиболее явно присутствует мифологическая мечта об идеальном мире, где техника «сама» компенсирует недостатки существования homo sapiens, и, в частности, ограниченность возможностей человеческого тела и сознания. «Ведь наше фундаментальное, постоянное пожелание – в том, чтобы все «работало само собой», чтобы каждая вещь, наделенная волшебным совершенством, выполняла предназначенную ей функцию при минимальных усилиях с нашей стороны. Пользование автоматическим изделием сулит сладостную возможность как бы по волшебству отсутствовать в его работе, видеть его, не будучи видимым самому; это удовольствие эзотеризма, обретаемое прямо в повседневном быту» [4, 122]. В современных гаджетах автоматизм техники близится к кульминации. «Самодетельность» персональных устройств показывает себя в их функциональности, но здесь присутствует и некое наслаждение посредством наблюдения за способностью гаджета совершать нечто сложно-визуальное по указанию владельца. Мне нравится, как всплывают окна в моем новом гаджете, как я могу, не нажимая и двух кнопок, позвонить с помощью голосового набора номера, как гаджет приветствует меня машинно-человеческим голосом при включении, как он напоминает мне о днях рождения близких. Это мой личный раб без души, с которым можно «почти общаться»; в сущности, персональная техника стремится к человеку-подобию.

Как уместно свидетельствует Ж. Бодрийяр, автоматические устройства, каковыми являются и гаджеты, в отличие от других технических изделий находятся на новом уровне антропоморфизма. Если, например, в орудиях труда, механических машинах или мебели четко наблюдается отпечаток человеческого образа и присутствия, то «на автоматизированные изделия проецируются уже не жесты, энергия, потребности, телесный образ человека, но самостоятельность его сознания, его способность контроля, его индивидуальность, его понятие о себе» [4, 123]. Перенесение ментальных функций на технику, образует исключительную «примочку» мышления. Гаджет в своей деятельности с человеком «прищепляется» не только к телу, но и к сознанию, образуя единый механизм воображения. В концептуальной модели это можно представить как некий «протез» мысли.

Вся эта мелкая «функциональность», визуальность и антропоморфизм с очевидностью направлены не к прагматической цели, которой характеризуется техника индустриальной эпохи, но на интерактивное и наблюдательное наслаждение «автоматами».

Естественно, эти единичные «удовольствия» непостоянны, они исчезают при потере экстраординарности технического «зрелища», но в процессе деятельности человека образуют новую сферу в его времяпровождении, где мелкий гедонистический функционализм гаджетов превращается в «комфортность» существования личности. В этой трансформации «экстраординарного» в «комфортное», не ограниченной необходимостью достижения прагматического результата, и начинается путь от «нового гаджета» к становлению «моего гаджета», от товара-фетиша к увеличению возможностей моего тела.

Гаджет и повесть моей жизни. Важен также и третий аргумент исключительности восприятия персональной техники – чем больше деятельность личности связана с ее гаджетом, тем больше эта вещь становится импликацией ее самости. Возымев новое техническое изделие, человек пытается персонализировать его и внешне – покупает или шьет аксессуары, меняет по своему вкусу оформление программ и меню, делает другие косметические изменения. Индивид желает, чтобы его устройство отражало личные предпочтения владельца.

В этом процессе персонализации вещей нам открывается и экстатический характер идентичности человека, которая возникает в повседневном «имении – деле» с подручными средствами, инструментами и предметами. «Сущее открывается в видах того, что оно как это сущее, какое оно есть, без чего-то не может. С ним всегда в чем-то дело. Характер бытия подручного есть «имение-дела» [2, 105]. Человек как бы присутствует в значениях вещей, которыми он пользуется, а техническое и человеческое взаимопределены друг другом.

Человеку необходимо конституировать свою личность в окружающей реальности, и этот процесс начинается с интенциональности его сознания и заканчивается репрезентацией своего присутствия извне. Сознание обречено понимать себя из своего бытия, в котором оно есть повсеместно, ведь от себя-в-мире убежать невозможно. Именно поэтому, в вопросе о личностной идентичности важную роль играет и структура личных вещей. Совокупное единство их значений образуют вокруг человека зеркальную повесть его жизни, которая в его интерпретации создает фундирующую сторону его самопонимания. Подобная связь между повествовательной и личностной идентичностью находится и в основе исследований П. Рикера. В его феноменологической герменевтике целостность человеческого естества является результатом процесса «прочтения» собственной временности, для которого свойственны те же закономерности, что и для процессов понимания читателем образа литературного персонажа [5, 143 – 171]. Зачастую в письменном искусстве используется прием, в реализации которого персонаж открывается созерцателю посредством детальной характеристики его отношения к личным вещам. Вещи в этом случае представляют и отдельные стороны понимания персонажа. Читатель легко улавливает смысл этого метода изложения, ведь и в повседневной жизни он склонен воспринимать себя и Другого, исходя из интерпретации структуры близких и далеких ему вещей. Они в определенной степени указывают на степень его свободы окружать себя тем, чем нравится. Эта свобода возможности – «Я могу» [5, 217] и является одним из оснований развития самосознания человека.

«Мой гаджет» также является личной вещью, и в то же время, в сфере восприятия «собственного» он занимает особое место. Персональная техника, исходя из своих возможностей накапливать и сохранять повествовательные элементы истории владельца, представляет личности её идентичность в «сверхвещественных» измерениях. На досуге человек может просматривать фото, хранящиеся в его гаджете, пополнять их, перелистывать историю сообщений и посещений сайтов, вспоминая о том, чем был занят месяц назад. Благодаря гаджету человек может снова и снова воспроизводить и видеть образы самого себя в прошлом, сравнивая их со своими представлениями о себе сегодняшним, «настоящим». Для отдельных индивидов отдать постороннему человеку свой гаджет – равносильно тому, чтобы дать прочитать свой личный дневник. Степень аккумуляции гаджетом повествований о своем хозяине, как правило, высока и многогранна. В визуальном мире моего устройства моя сокровенность представлена как на ладони, и мне может быть не по себе, если кто-то получит возможность использовать мой гаджет с такой же целью наслаждения процессом образоподобия, что и я.

Именно поэтому персональная техника, исходя из глубины ее предназначений, может рассматриваться в качестве «сверхвещи». Подытоживая результаты исследования, выделим три главных вектора внедрения гаджетов в самосознание современной личности:

- первый вектор, связанный с вторжением техники в телесное пространство личности, в котором и совершается его общение с миром;
- второй вектор, связанный с «волшебной» самостоятельностью персональных устройств и гедонистическим восприятием этой самостоятельности личностью;

- третий вектор направленности человека на конституирование специфической особенности личностной идентичности в вещественном мире. Он подчеркивает повествовательную сторону восприятия человеком гаджета, в контексте которого, персональное техническое изделие приобретает статус «сверхвещи» среди других личных вещей человека.

Выводы. Думая о новых возможностях «техне» в современном мире, мы снова и снова возвращаемся к изначально поставленному вопросу о том, куда же все – таки развитие технологии ведет человека? И этот вопрос, по нашему мнению, со времен возникновения первого орудия труда до сих пор остается открытым. В рамках этого вопрошания и наше исследование свидетельствует о возникновении новых граней влияния техники на персональную идентичность личностного существования человека в современном мире. Влияния, которое в определенном смысле может быть и небезопасным. Поэтому, мы и считаем наиболее удачным вариантом завершения данной работы очередное напоминание предостерегающих слов Мартина Хайдеггера из его интервью журналу «Экспресс» 1969 года: «...Что если мы не будем мыслить сущность техники? – Тогда мы будем рабски прикованы к технике, лишены свободы, независимо от того, утверждаем ли мы ее с энтузиазмом или отрицаем. Ибо техника не есть нечто нейтральное. Именно тогда, когда мы представляем ее как что-то нейтральное — мы отданы ей для худшего» [6].

Литература

1. Stiegler B. *Technics and Time*. – Stanford: «Stanford University Press», 1998. – 285 p.
2. Хайдеггер М. *Бытие и время*. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
3. Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. – СПб.: «Ювента; Наука», 1999. – 603 с.
4. Бодрийяр Ж. *Система вещей*. – М.: «Рудомино», 1999. – 218 с.
5. Рикер П. *Я-сам как другой*. – М.: «Издательство гуманитарной литературы», 2008. – 416 с.
6. Товарниcki Ф., Пальмье М.-М., Интервью М. Хайдеггера в журнале «Экспресс» 1969 г. [Электронный ресурс]; Архив портала Heidegger.ru, – Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/tovarnitski.php>

© *Лемпий Антон Олегович*